

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-71-191-198>

УДК 821.161.01.0

ББК 83.3 (2Рос=Рус)4

Научная статья / Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2024 г. Е.А. Андреева
г. Москва, Россия

**«ПРЕСЛАВНО БО ГОСПОДЬ ПРОСЛАВИ ВЪРНАГО РАБА СВОЕГО»:
ЧУДЕСА В СОСТАВЕ
«ЖИТИЯ МИХАИЛА ЯРОСЛАВИЧА ТВЕРСКОГО»**

Аннотация: В статье рассматривается функционирование символического микрожанра в составе древнерусского памятника XIV в. — «Жития Михаила Ярославича Тверского». Среди представленных в тексте чудес лишь одно прижизненное, остальные — посмертные. Они выстраиваются в цепочку сменяющих друг друга эпизодов, объединенных идейно-тематически и объектом изображения. Большинство посмертных чудес происходит во время перемещения тела убитого князя из Орды в Тверь, то есть на чужой территории, а потому целью их включения в житие можно считать стремление утвердить святость Михаила Тверского и переубедить его врагов и не верящих в его праведность людей. Среди распространенных и привычных чудесных мотивов встречаются следующие: тело, не тронутое дикими зверями, огненный столп и свечение над телом, нетленные мощи. Чудеса совершаются непосредственно над мощами и с мощами, также чудесами можно считать необычные ситуации, не поддающиеся рациональному объяснению Автор жития, не будучи непосредственным свидетелем чудесных событий, основывается на свидетельствах очевидцев и подробно, порой с пояснениями, их пересказывает. Несмотря на отсылки к ранним древнерусским памятникам (например, «Чтению о Борисе и Глебе»), использование знакомых топосов, автору, благодаря включению чудес, удается достигнуть высокой степени убедительности, раскрыть свой замысел и отразить свою оценку происходящего.

Ключевые слова: микрожанр, чудо, посмертные чудеса, житие, огненный столп, свечение.

Информация об авторе: Екатерина Александровна Андреева — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8829-3084>

E-mail: aaa46aaa@yandex.ru

Дата поступления статьи: 28.02.2023

Дата одобрения рецензентами: 15.05.2023

Дата публикации: 25.03.2024

Для цитирования: Андреева Е.А. Преславно бо Господь прослави вѣрнаго раба своего»: чудеса в составе «Жития Михаила Ярославича Тверского» // Вестник славянских культур. 2024. Т. 71. С. 191–198.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-71-191-198>

Чудо как особое литературное явление и как малый символический жанр (микрожанр) является привычной составной частью житий. Все святые «рассматривались в качестве прямых подражателей Иисуса Христа и апостолов», поэтому и чудеса (как прижизненные, так и посмертные) «описывались и строились по аналогии с чудесами Христа и его учеников» [6, с. 14]. Истоки жанра чуда находятся в Священном Писании, чудеса стали важным элементом ранней византийской агиографии. По определению, данному Н.В. Трофимовой, чудо — «это повествование о неожиданном, часто сверхъестественном событии, происходящем по воле Бога и разрешающем какие-либо земные проблемы» [7, с. 191].

Все чудеса можно разделить на следующие виды:

- с точки зрения их появления в составе текста: прижизненные и посмертные;
- с точки зрения типа героя: преподобнические, мученические и т. п.

В данной ситуации мы имеем дело с житием мученическим, а потому все включенные в его состав чудеса имеют конкретную и определенную цель — засвидетельствовать святость героя, обосновать его принадлежность к сонму святых.

В составе «Жития Михаила Ярославича Тверского» есть одно прижизненное чудо. Оно входит в состав воинской повести (также вставного жанра). После битвы с объединенными войсками Юрия Московского и ханского посла Кавгадыя, когда «бесчисленное множество ратных» падали «язвени под коньми, акы снопы в жатву на нивѣ» [8, с. 136], происходит нечто, что нельзя объяснить логически: «Самому же великому князю Михаилу бѣ видѣти лоспѣхъ его весь язвель, на тѣле же его не бысть никоея же раны» [8, с. 136]. В то время когда «язвы» воинов приводят их к гибели, «язвы» Михаила Тверского только на доспехах, причем автор прибегает к приему гиперболизации, говоря, что весь доспех князя был иссечен, а соответственно, хоть какая-то рана должна была появиться. После произошедшего чуда автор сразу же дает пояснения, ссылаясь на Псалтирь. Агиограф, как это было в молитвах, включенных в состав жития (см. подробнее [1]), подбирает объяснение случившегося, ссылаясь на авторитетный источник: «Рече же блажени Давыд: Падет от страны твоя тысяща и тма одесную к тебѣ не приступитъ. Не приидет к тебѣ зло, и рана не приступитъ к телеси твоему, яко аггелом своимъ заповѣсть от тебе съхранити тя въ всѣ путех твоих. И: На руках возмут тя, яко же и бысть» (Пс. 90). Причем видим, что цитата соответственно обрамлена: указан источник слов, а также подтверждается их правдивость в данном конкретном случае («яко же и бысть»). Как писал К. Бондарь, «изображая «чудо», житие ... сохраняет верность жанровому канону, предсказуемому и дидактичному, с присущей ему трафаретностью рассказа и ситуаций» [2, с. 45]. Но агиограф на этом не останавливается и уже своими словами он еще раз поясняет произошедшее: «Тогда съхранень великимъ архангелом Михаилом, и избави нас изъ плена множество душъ, бившаа въ скверных руках поганьскихъ» [8, с. 137]. Упоминание архангела Михаила символично и встречается в тексте жития неоднократно: во-первых, это святой-покровитель тверского князя, во-вторых, на день памяти архангела Михаила приходится два их четырех точно датированных события — на день празднования чуда архангела Михаила в Хонех Михаил Ярославич приезжает в Орду на суд и уже через год в этот же самый день его тело хоронят в Спасо-Преображенском соборе Твери. Прижизненное чудо также происходит благодаря заступничеству архангела Михаила. Упоминание автором местоимения «нас» подчеркивает его сопричастность происходящему. Что же касается завершающей фразы, утверждающей, что Михаил Тверской избавил множество людей, бывших в руках «поганских» от плена, то понять ее можно следующим образом: 1) это отсылка

к чуду архангела Михаила — явлению водного потока из расщелины горы, которое утвердило торжество православия и посрамление язычества; 2) это попытка перенести известный сюжет на современные агиографу реалии (Главный враг тверского князя — Кавгадый, ордынский посол — а монголо-татар в древнерусских источниках как раз и называли «погаными»). В плену русских людей держит, конечно, не он, но он является представителем ханской силы и утвердителем ордынской власти, поэтому одержанная победа — это утверждение возможности бороться с сильным врагом и оказывать сопротивление)¹. Именно за победу в этой битве Михаил Ярославич заплатил жизнью, сохранив тем самым множество других людей, своих подданных.

Другие чудеса в житии — посмертные, они являются частью истории, происходившей с телом убитого князя. Композиционно они представляют собой цепочку сменяющих друг друга эпизодов, объединенных идейно-тематически и объектом изображения. В отличие от особо распространенных в древнерусской агиографической литературе чудес (часто встречающихся в преподобнических житиях), объединенных мотивом беды, обращением за помощью к святому с просьбой об исцелении и последующим исцелением, эти чудеса иные: их цель вполне конкретна — утвердить святость героя, показать, что перед читателями новый представитель сонма святых, а на это указывают в том числе его нетленные мощи. При этом для чудес характерны подробность записи (хотя автор уже не был их непосредственным очевидцем: «он же... повѣда сущему ту ерѣиови вся бывшая ему. От него же мы слышахом и написахом» [8, с. 160] и внимание к обоснованию достоверности описываемых фактов (насколько это было возможным).

Чудеса начинают происходить сразу после гибели князя, когда его тело еще находится на территории Орды, по возможности автор старается указывать точные локусы (например, первое чудо происходит, когда тело перевозят за реку Адежь, третье чудо — в Маджарах, четвертое — в Бездеже, пятое — во время прибытия тела в Тверь), а также называть тех, кто был непосредственным свидетелем произошедшего: посланные Юрия Московского, «мнози же вѣрнии и от невѣрных», «мнози от различных языкъ», один из стерегущих, люди из похоронной процессии. Если очевидец был единственным свидетелем произошедшего чуда, то он спешит рассказать о случившемся тому человеку, мнение которого является более авторитетным (например, иерею).

Агиограф поначалу «врывается» в повествование, давая свой комментарий произошедшему, но начиная с третьего чуда перестает назидательно подмечать, о чем конкретно свидетельствовало чудо. В последовательности чудес есть не только хронологическая, но и определенная логическая, идейная последовательность: чаще всего их видят «неверные» или представители враждебных Михаилу Тверскому сил, и увиденное должно помочь им осознать святость убитого князя.

Среди распространенных и привычных чудесных мотивов встречаются следующие: тело, не тронутое дикими зверями, огненный столп и свечение над телом, нетленные мощи. Все описанные чудесные явления можно разделить на те, что совершаются непосредственно над мощами и с мощами (огненный столп, свечение, нетленные мощи), и необычные ситуации, не поддающиеся рациональному объяснению.

Первое чудо происходит, когда слуги, посланные Юрием Московским, отправляются стеречь тело тверского князя, но пугаются чего-то и возвращаются, а наутро происходит следующее: «И рано пришедше, не обрѣтоша телеси святого на вѣже,

¹ Речь в тексте идет о Бортневской битве, которая признается некоторыми историками предвестницей Куликовской битвы.

но телѣга стояше и вѣку на неи оужи привязано, а тѣло особѣ на едином мѣсте лежаше раною к земли, и кровь многую исшедшу изъ язвы, десная рука под лицом его, а порты одинако одѣнь» [8, с. 157–158]. Чтобы пояснить случившееся, нужно вернуться к более ранним событиям: после гибели тело Михаила Ярославича оставалось нагим, непокрытым, и Кавгадый упрекнул Юрия Московского в неуважении к старшему в роде, тогда московский князь отдал свою котыгу — рубаху, которую сам носил, а другие накрыли тело якыптом — войлочным плащом, «поржиша и на велицѣ вѣцѣ и възложиша и на тѣлѣгу и оувиша оужи крѣпко» [8, с. 156], то есть сначала привязали тело к доске, после положили на телегу и крепко привязали к ней. По удивительному стечению обстоятельств тело святого оказалось не на доске и не в телеге, а лежало на земле, из раны продолжала вытекать кровь, а правая рука оказалась около лица. В основе концепции чуда лежит та же идея, что в основе концепции святости, — идея о связи двух миров, земного и небесного. То, что происходит без присутствия людей (свидетелей) и не может быть объяснено логически, мыслится как вмешательство высших сил. Данное чудо отсылает нас к «Чтению о Борисе и Глебе», где так же, как и в «Житии Михаила Ярославича Тверского» «леже тѣло на земли, а не прикоснуся ему ничто же от звѣрей» [8, с. 158]. Чудесность истории заключается не только в перемещении крепко привязанного тела, его особом положении на земле, но и в полной сохранности, нетронутости. И этому агиограф находит объяснение в Псалтири: «Съхранит бо господь вся кости их, ни едина же от них не съкрушится» (ср: Пс. 33: 21-22) [8, с. 158]. Сохранены кости праведников, в то время как грешники подвергаются тяжелому наказанию — именно на контрасте с произошедшим чудом агиограф рассказывает об «окаянной» смерти «треклятого и беззаконного» Кавгадыя. Мученическая смерть Михаила Тверского и необъяснимые вещи, происходящие с его телом, подчеркивают, насколько значим и весом его поступок. Агиограф не ограничивается цитатой из Псалтири и дальше своими словами указывает на смысл приведенного им рассказа: «Преславно бо господь прослави вѣрнаго раба своего Михаила и тако оудиви» [8, с. 158].

Этой же цели подчинено описание следующего чуда (условно будем считать его вторым по счету, хотя оно произошло в ту же ночь), очевидцами которого стали «мнози же вѣрнии и от невѣрных» [8, с. 158], т. е. большое количество людей как верующих, православных, так и, очевидно, ордынцев, тех, кто в это время находился в ставке. «Чудо преславно» заключается в том, что «два облака свѣтла всю ночь осѣняета над телесем преблаженаго, расступающася и паки ступающася вмѣсто, осѣняючи яко солнце» [8, с. 158]. Агиограф снова при описании чуда дает прямую характеристику герою: сначала он назвал его святым, потом — преблаженным. Все описание строится на основе лексем со значением «света» (как категории святости) — «свѣтла», «солнца», «осѣняета», «осѣняючи», которые отражают мысль об истинности, славе, горении. Увидеть ночью яркий свет, подобный солнечному, есть, с точки зрения автора жития, осознать важную истину: «Светь есть князь сии, оубиень бысть безвинно» [8, с. 158], причем к этому осознанию приходят все без исключения (верующие и неверные). Далее агиограф снова дает свое пояснение чуда: «Облакома сима являет присѣщение аггельское над ним» [8, с. 158].

Третье чудо происходит, когда тело отправляют в Маджары, а предшествует ему спор между «добрыми» и «немилостивыми» боярами: первые, знающие Михаила Ярославича лично или слышавшие о нем, «хотѣша прикрыти тѣло его съ честию пращаницами многоцѣнными и съ свѣщами славно въ церкви поставити» (159), а вторые «не даша ни видѣти блаженаго, но со многою оукоризною поставиша въ единой хлѣвинѣ за сторожи» [8, с. 159]. Речь идет об отношении к Михаилу Тверскому, у кото-

рого на протяжении всего текста были сторонники и противники, и если одни стремились возвеличить личность и поступки князя, то другие относились к нему уничижительно. Именно поэтому в вопросе выбора места временного пребывания мертвого тела фигурируют две локации — церковь и хлев, загон для животных. Однако подобный выбор становится еще одним утверждением святости героя. Само чудо — это огненный столп «сияющъ от земля до небеси», который иные описывают как «дугу небесную». Огненный столп — это одно из распространенных в древнерусской книжности чудес, известный топос, являющийся сакральным знаком, призванным свидетельствовать святость определенного человека или места [5]. Подобный топос встречается в «Чтении о Борисе и Глебе», в «Житии Феодосия Печерского», в повествовании о гибели Михаила Черниговского и боярина его Феодора в Орде. Для древнерусского автора, по словам А.М. Ранчина, это чудо воспринимается как «явление ангела» в память о «ветхозаветном рассказе об ангеле Господнем в образе огненного столпа, ведущем евреев через пустыню в Землю обетованную» [4, с. 129]. Более того, следует обратить внимание и на символику огня, являющего божественное присутствие, угодность Богу принесенной ему жертвы [4, с. 129]. Чаще всего явление огненного столпа в древнерусских текстах происходит в сакральных местах: над храмом или над тем местом, где впоследствии появится храм, однако автор «Жития Михаила Ярославича Тверского» фокусирует внимание, что чудо происходит над хлевом. В таком случае «глухое (нечистое) место... приобретало сакральный смысл, наделяясь признаками, присущими храму» [4, с. 132]. В остальном можно также увидеть следование агиографа эталонным для него текстам, посвященным рассказу о гибели Бориса и Глеба, Михаила Черниговского, с этими героями он неоднократно сравнивал Михаила Тверского.

Данное чудо, имеющее аналогии с другими древнерусскими текстами, не нуждается в подробном авторском комментировании, поэтому агиограф переходит к описанию следующей ситуации. Тело, переправляемое в Бездеж, встречает «множество народа съ свѣщами, инии же на конехъ съ фонари на въздусъхъ ездяше» [8, с. 159]. Мотив света снова являет себя в данном случае в образах свечей и фонарей, сопровождающих шествие с телом святого. Несмотря на предыдущий горький опыт, тело снова оставляют не в церкви, а «во дворѣхъ». Более того, один из стерегущих отваживается залезть на сани и лечь рядом с телом святого, но «невидимо нѣкотораа сила сверже его далече с саней святого» [8, с. 160]. Если в предыдущем чуде важна его грандиозность, масштабность — его видит множество людей, то здесь можно говорить о камерности — случившееся засвидетельствовано одним человеком, но позже рассказано испуганным стражем иерею. Настолько поражен был нечестивец случившимся (а ведь если это один из слуг Юрия Московского, то он сопровождал тело на протяжении всего времени и должен был увидеть уже три чудесных явления), что не сумел дать рациональное объяснение тому, что с ним произошло. Автор вновь не считает нужным комментировать чудо, так как оно явно является следующим звеном в единой цепочке, а о целях фиксации подобных событий он писал ранее. Единственное, о чем он считает важным упомянуть, это то, что тот самый иерей пересказал ему всю историю, дело в том, что, оставаясь в ставке хана, он не мог видеть происходящее, и только оказавшись на территории Руси, стал свидетелем дальнейших событий.

Последнее посмертное чудо происходит, когда тело через год оказывается в Твери, накануне захоронения в Спасо-Преображенском соборе: «Се чюднее сътвори богъ свое чюдною неизреченою милостию. Ис толь далече страны везено тѣло святолого на тѣлѣзѣ и в санехъ, по томъ же лѣто стояло на Москвѣ, обрѣтесе все тѣло цѣло и красно, а не ислѣвшѣ» [8, с. 162]. Автор дважды цитирует в приведенном отрывке «Чтение

о Борисе и Глебе», вставляя между цитатами повествование об обстоятельствах свершившегося чуда. Показательно, что все предшествующие чудеса происходили на территории Орды, о чудесах на территории Руси (и Москвы, где тело долго находилось) не упоминается. Объективно это объясняется отсутствием свидетельств, которые бы мог точно знать и записать агиограф. Есть в этом и символический подтекст: Михаил Тверской прославлен Богом как святой мученик именно там, где свершилось мученичество, то есть среди неверных, а агиограф еще в начале жития говорил о противостоянии вер, так как упоминал о принятии ханом Узбеком ислама. Последнее же чудо, как и чудо с огненным столпом, следует считать общим местом, топосом не только конкретной группы житий, но и древнерусской агиографии в целом.

Встречающиеся в тексте чудес отсылки к «Чтению о Борисе и Глебе» значимы и могут многое сказать и о манере агиографа, и о жанровой природе «Жития Михаила Ярославича Тверского» в целом. «Чтение о Борисе и Глебе» — житие страстотерпческое, основными мотивами которого можно считать «мотивы убиения без вины и непротivления убийцам, добровольного приятия смерти» [3, с. 115]. При этом убийцами являются люди, близкие святому, родственники или слуги, те, кто обязан по своему положению «пребывать с ним в любви и мире или подчиняться ему» [3, с. 115]. Автор рассматриваемого жития, безусловно, пользуется подобной, хорошо известной ему схемой, но заметно усложняет ее. И хоть роль Юрия Московского в гибели Михаила Тверского велика и среди убийц по имени назван лишь русский человек Роман (с уничижительным суффиксом — Романец), агиограф уходит от схемы страстотерпческого жития и повести о княжеских преступлениях. Это хорошо видно в молитвах святого (где он сам называет главным врагом отнюдь не московского князя, а Кавгадыя [1]) и в чудесах (совершающихся в основном на территории Орды — враждебного герою мира).

Таким образом, чудеса в «Житии Михаила Ярославича Тверского» имеют важную функцию: доказывают святость князя и принадлежность его к сонму святых; дают конкретную информацию об авторе текста (его местонахождении и причастности к кругу духовных лиц); становятся композиционно значимой частью жития.

Список литературы

Исследования

- 1 Андреева Е.А. Молитвы в составе «Жития Михаила Ярославича Тверского» // Герменевтика древнерусской литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2022. Сб. 21 / гл. ред. О.А. Туфанова. С. 225–238.
- 2 Бондарь К. Поэтика житийных описаний «чуда» (по данным восточнославянских средневековых текстов) // Концепт чуда в славянской и еврейской культурной традиции: сб. / отв. ред. О.В. Белова. М.: Пробел, 2001. С. 44–51.
- 3 Ранчин А.М. Князь-страстотерпец в славянской агиографии // Вертоград Златословный». М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 112–120.
- 4 Ранчин А.М. Огненный столп в древнерусской агиографии: ветхо- и новозаветные истоки // Вертоград Златословный». М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 128–133.
- 5 Руди Т.Р. «Яко столп неколебим» (об одном агиографическом топосе) // Труды Отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. Т. 55. С. 211–227.
- 6 Стародумов И.В. Жанровая специфика повествований о посмертных чудесах святых подвижников в составе древнерусской агиографии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2009. 20 с.

- 7 Трофимова Н.В. Поэтика древнерусского воинского повествования. М.: Изд-во Московского педагогического государственного ун-та, 2017. 276 с.

Источники

- 8 Кучкин В.А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском // Средневековая Русь. М.: Эдиториал УРСС, 1999. Вып. 2. С. 116–163.

© 2024. Ekaterina A. Andreeva
Moscow, Russia

**“GLORIOUSLY THE LORD EXALTED HIS FAITHFUL SERVANT”:
MIRACLES IN THE COMPOSITION OF
“THE HAGIOGRAPHY OF MIKHAIL YAROSLAVICH TVERSKOY”**

Abstract: The paper examines the functioning of a symbolic microgenre as part of an Old Russian literary work of the 14 century — “The hagiography of Mikhail Yaroslavich Tverskoj”. Among the miracles presented in the text only one is intravital, all the rest are posthumous. They are arranged in a chain of successive episodes, united ideologically, thematically and by the object of the image. Most posthumous miracles happened when the murdered prince’s body has been moved from the Horde to Tver, mostly on the foreign territory. Therefore the purpose of their inclusion in the hagiography may be the desire to affirm the holiness of Mikhail Tverskoj and to convince his enemies and people who do not believe in his righteousness. Among the common and familiar miraculous motifs are the following: a body untouched by wild animals, a pillar of fire and a glow over the body, incorruptible relics. Besides the miracles which are performed directly over the relics and with the relics, unusual situations that cannot be rationally explained may also be considered as miracles. The author of the text, without being a direct witness of miraculous events, basing on eyewitness accounts retells them in detail, sometimes with explanations. Despite references to early Old Russian literary works and the use of familiar topos, the author of “The hagiography of Mikhail Yaroslavich Tverskoj”, thanks to the inclusion of miracles, manages to achieve a high degree of persuasiveness, to reveal his plan and reflect his assessment of what was happening in the Horde.

Keywords: Micro Genre, Miracle, Posthumous Miracles, Hagiography, Pillar of Fire, Glow.

Information about the author: Ekaterina A. Andreeva — PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8829-3084>

E-mail: aaa46aaa@yandex.ru

Received: February 28, 2023

Approved after reviewing: May 15, 2023

Date of publication: March 25, 2024

For citation: Andreeva, E.A. “Gloriously the Lord Exalted his Faithful Servant’: Miracles in the Composition of ‘The Hagiography of Mikhail Yaroslavich Tverskoj’.” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 71, 2024, pp. 191–198. (In Russ.)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-71-191-198>

References

- 1 Andreeva, E.A. “Molitvy v sostave ‘Zhitiia Mikhaila Iaroslavicha Tverskogo’” [“Prayers in ‘The Hagiography of Mikhail Yaroslavich Tverskoy’”]. *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [*Hermeneutics of Old Russian Literature*], issue 21, ed.-in-chief O.A. Tufanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2022, pp. 225–238. (In Russ.)
- 2 Bondar', K. “Poetika zhitiinykh opisaniy ‘chuda’ (po dannym vostochnoslavianskikh srednevekovykh tekstov)” [“Poetics of Hagiographic Descriptions of the ‘Miracle’ (according to the East Slavic Medieval Texts)”]. *Kontsept chuda v slavianskoi i evreiskoi kul'turnoi traditsii: sbornik* [*The Concept of Miracle in Slavic and Jewish Cultural Traditions: Collection of Papers*], ed. by O.V. Belova. Moscow, Probel Publ., 2001, pp. 44–51. (In Russ.)
- 3 Ranchin, A.M. “Kniaz'-strastoterpets v slavianskoi agiografii” [“The Prince-the Passion-bearer in Slavic Hagiography”]. *Vertograd Zlatoslovnyi* [*Zlatoslavny Vertograd*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2007, pp. 112–120. (In Russ.)
- 4 Ranchin, A.M. “Ognennyi stolp v drevnerusskoi agiografii: vetkho- i novozavetnye istoki” [“The Pillar of Fire in Ancient Russian Hagiography: Old and New Testament Origins”]. *Vertograd Zlatoslovnyi* [*Zlatoslavny Vertograd*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2007, pp. 128–133. (In Russ.)
- 5 Rudi, T.R. “‘Iako stolp nekolebim’ (ob odnom agiograficheskom topose)” [“‘Like a Pillar is Unshakable’ (about One Hagiographic Topos)”]. *Trudy otdela drevnerusskoi literatury* [*Proceedings of the Department of Old Russian Literature*]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2004, vol. 55, pp. 211–227. (In Russ.)
- 6 Starodumov, I.V. *Zhanrovaia spetsifika povestvovaniy o posmertnykh chudesakh sviatykh podvizhnikov v sostave drevnerusskoi agiografii* [*Genre Specificity of Narratives about the Posthumous Miracles of the Holy Ascetics as Part of the Old Russian Hagiography: PhD Thesis Summary*]. Omsk, 2009. 20 p. (In Russ.)
- 7 Trofimova, N.V. *Poetika drevnerusskogo voinskogo povestvovaniia* [*The Poetics of the Old Russian Military Narrative*]. Moscow, Moscow Pedagogical State University Publ., 2017. 276 p. (In Russ.)